

СООБЩЕНИЯ

УДК 82.03

П. Н. Толстогузов

МУХА В ГОГОЛЕВСКОМ ТЕКСТЕ¹

Мотив «муха и сопутствующие ей ситуации» часто встречается в текстах Гоголя. Он сохраняет барочные импликации. Представляются интересными и нуждающимися в комментарии три ситуации: «мухи на сахаре», «муха в носу» и «мухи в жидкости» (все три ситуации рассматриваются на примере первого тома «Мёртвых душ»).

Ключевые слова: муха в фольклоре, муха в басне, барочный аллегоризм, натурализм, творчество Гоголя.

Муха занимает довольно заметное положение в мотивных комплексах Гоголя: она встречается если не повсеместно, то регулярно — и активно участвует в оформлении фона и даже в некоторых сюжетных предпосылках и напряжениях. Речь идёт не о фразеологической мухе (являющей собой, как правило, знак малости, а во вторую очередь — знак бойкости, быстроты и надоедливости), которая также есть у Гоголя, а о гоголевской мухе *in propria persona*, а также о её символическом метафоризме.

В тексте Гоголя присутствием мухи отмечены оконные стёкла и зеркала, рамы, картины, борщи, сахар, настойки и всякая иная еда и питьё. Муха садится на вымоченные в меду усы, залетает в рот, в уши, в глаза, в нос, принуждает к чиху и заставляет проснуться. Гоголевский герой может ненароком съесть её вместе со своей незамысловатой едой (Башмачкин). Она становится поводом для реплик, в которые характерно облачается фирменная пошлость пошлого человека: «Летом очень много мух,

Толстогузов Павел Николаевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологии и журналистики (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан); e-mail: pnt59@mail.ru.

© Толстогузов П. Н., 2017

¹ Эта статья под названием «Муха как часть гоголевского текста» была впервые опубликована в сборнике научных трудов «Литературная классика: публикации, комментарии, отражения» (Уфа, 2012). Однако составитель и редактор сборника допустил неоправданные (и, как выяснилось позднее, неумышленные) сокращения текста статьи. В предлагаемом читателю журнала варианте эти лакуны (в частности, примечание 4) устранены, а также внесены существенные дополнения и исправления. Понятие «текст» в заглавии используется нами как определение совокупности текстов, принадлежащих одному автору и характеризующихся известной гомогенностью по отношению друг к другу.

сударыня!» (Шпонька [2: т. 1, с. 305]). Наконец, муха погибает под пальцами героя, не знающего, как скоротать время (Чичиков). И т. д.

В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и в «Миргороде» мухи, как правило, являются элементом деревенской и усадебной идиллии, но идиллии специфически гоголевской, то есть натуралистической и барочно-символической в одно время. В частности, они или, лучше сказать, те следы, которые они оставляют на предметах, знаменуют собой неторопливый ход бытового времени, одну из постоянных примет его внутреннего объёма, его однообразную и вместе с тем предельно осязаемую и потому внутренне эпохальную длительность, находящуюся в случайном, отчасти насмешливом отношении к большим историческим рядам: «Из узеньких рам глядела герцогиня Лавальер, запачканная мухами» («Старосветские помещики» [там же: т. 2, с. 17]).

Муха как натуралистическая деталь соответствует той эстетической концепции раннего, синтетического реализма первой половины XIX века, которую определяли как фламандщину, «фламандской школы пёстрый сор» (Пушкин [7: т. 5, с. 175]). Это выражение в случае с мухой обнаруживает дополнительный смысл: мухи были непременным атрибутом североевропейского натюрморта и в целом бытовой живописи эпохи барокко. Поскольку европейское изобразительное искусство конца XVI—XVII веков было по преимуществу барочным явлением, оно соединяло в себе подчёркнутое жизнеподобие и аллегоризм, восходящий к средневековым, но при этом по-барочному драматизированным значениям. Так, муха была не только пресловутым троплеем, но сама её обманчивость аллегорически перекликалась с её отрицательными смыслами: нечистота, близость к мёртвому или сладкому (отрицательный знак времени и грехопадения), пустая суетливость, кратковременность. Муху можно объединить с такими знаковыми моментами порчи, как червоточина: эти моменты подчёркивали не только реалистичность изображения, но и выражали излюбленный барочный мотив суеты сует. (На картине художника болонской школы Гверчино «И я нахожусь в Аркадии», первая четверть XVII века, муха соседствует с мышью и могильным червём — эсхатологическими символами порчи и смерти.) По мере ослабления аллегорических дифференциаций иносказательный аспект образа предельно обобщился: муха стала знаком прозаической действительности (ср. у Пушкина в «Евгении Онегине»: «Он в том покое поселился, / Где деревенский старожил / Лет сорок с ключницей бранился, / В окно смотрел и мух давил» [там же, с. 32]). При этом смысл порчи, например, также постепенно лишился эсхатологического оттенка и приобрёл сугубо прозаический и практический смысл (ср. опять же у Пушкина в «Маме Шонинг»: «Оставались непроданными два портретика в рамах, замаранных мухами и некогда вызолоченных» [там же: т. 6, с. 419]).

В басенной традиции XVII—XIX веков поведение мухи может обернуться нелепой заносчивостью и пустой хлопотливостью, а также траве-

стированными «премудростью» и «смелостью» (Лафонтен, Сумароков, Хемницер, Фонвизин, Дмитриев, Крылов). По большей части эти и другие басенные смыслы восходят к Эзопу, Федру и к пародийной «Похвале мухе» Лукиана, а также к фольклорным мотивам. Басенная муха, если суммировать её значения, сводится за несколькими исключениями к разнообразным случаям сопоставления малого и большого.

В гоголевском тексте, сохраняющем, как правило, барочные импликации, нам представляются интересными и нуждающимися в комментарии три ситуации: «мухи на сахаре», «муха в носу» и «мухи в жидкости» (все три ситуации рассматриваются на примере первого тома «Мёртвых душ»).

Мотив «мухи на сахаре» возникает в одном из тех сравнений, которые Константин Аксаков сопоставляет с эпическими сравнениями Гомера [1, с. 49]¹. Это «воздушные эскадры мух», слетевшиеся на сахар, который колет старуха-ключница. Специально этот случай Аксаков не сравнивает с Гомером, а стоило бы: в «Илиаде» дважды встречается развёрнутое сравнение скопления бойцов с мухами, слетевшими во время дойки на молоко (песнь II, ст. 469–473; песнь XVI, ст. 641–644). Милитаристский оттенок гоголевского сравнения, выраженный словом «эскадры», дополнительно сближает его с гомеровским контекстом, как и сам смысл сравнения: мухи слетаются на еду во время её приготовления. С другой стороны, и гомеровское, и гоголевское сравнения представляют собой частные случаи универсальной поговорки «слететься, как мухи на мёд». Но если фольклорный контекст в основном нейтрален, а гомеровский даже героичен², то гоголевский имеет усложнённое гротескное задание, восходящее к мотиву хвастливой мухи (например, в сюжете «муха и муравей/пчела» у Федра, Лафонтена, Третьяковского, Крылова) и вносящее дополнительный смысл в предмет сравнения: гости на балу, как мухи на сахаре, присутствуют, «чтобы только показать себя» [2: т. 6, с. 14]. Басенный образ мухи мог выражать смысл времяпровождения в духе петиметров и макарони XVIII века и светских вертопрахов первой четверти XIX века: «За мною только лишь и дела, / Летать по балам, по гостям» (Крылов, «Муха и пчела» [5: т. 3, с. 159]). Чичиков деловой человек и умелый жулик, а не вертопрах, но его социальная мимикрия предполагает оказание «приятностей светского обращения» [2: т. 6, с. 47] в качестве ключевого приёма, и, следовательно, он также не в стороне от мушиной аллегии.

Пробуждение героя в доме Коробочки вызвано мухой, втянутой в нос и заставившей Чичикова «крепко чихнуть» [там же, с. 47]. Муха в носу в традиции принадлежит к демонологическому контексту (см.: [3, с. 435]). Это признак принадлежности к нечистой силе или, в более мягком варианте, признак человека со странностями (см.: [6]). Чичиков

¹ Интересно, что критик, сопоставляя Гоголя и Гомера, среди «предметов... являющихся с тайной своей жизни» называет и «муху, надоедающую Чичикову» [там же, с. 46].

² Лукиан, пусть и в смеховом ключе, справедливо обращает внимание на полную серьёзность гомеровских сравнений, связанных с мухами («Похвала мухе», с. 5).

предстаёт перед Коробочкой именно в этом качестве и к тому же поминает чёрта, сильно пугая при этом хозяйку. Кроме того, мухи, как бы подтверждая свою inferнальную репутацию, будят Чичикова именно в тот оказавшийся впоследствии роковым день, когда он сделал Коробочке своё фирменное коммерческое предложение о покупке мёртвых душ. (Так мухи реализуют характерную для них тему «малого, ничтожного, вредящего большому и значительному» [8].)

Явление мух в жидкости происходит у Плюшкина: войдя в дом скупца, Чичиков среди прочих живописных деталей беспорядка и разрухи видит «рюмку с какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытую письмом» [2: т. 6, с. 115]. Затем, во время написания хозяином письма доверенному лицу, появляется «чернильница с какою-то заплесневшею жидкостью и множеством мух на дне» [там же, с. 127]. Мухи в жидкости, как и в других случаях, знаменуют порчу, но наиболее тесно, как представляется, они связаны в этом случае с ветхозаветным мотивом мёртвых мух в мироварнице: «Мухи умершие сгоняют ея сладость: честно малое мудрости паче славы велики безумия» (т. е. «Мёртвые мухи портят и делают зловонною благовонную масть мироварника: то же делает небольшая глупость уважаемого человека с его мудростью и честью»; Еккл. 10:1). Притчевый контекст соответствует биографии героя, чья мудрая скупость постепенно, путём переключения внимания на мелочи, на «бумажки и пёрышки» [2: т. 6, с. 119], перешла в безумное скопидомство¹. Святость жизни непоправимо испорчена «мелким взглядом» [там же] на вещи. С другой стороны, муха как жертва жидкости — это басенная жертва своей опрометчивости (от мух в меду у Эзопа до многочисленных вариаций этого мотива в более поздней традиции). Так же опрометчив Плюшкин, позволивший страсти скопидомства овладеть собой вполне.

Эти наблюдения не более чем попытка несколько расширить комментарий к предметному миру Гоголя и к традициям, которые были заложены этим писателем даже в предметных мелочах². Сама же попытка биографически связана с давним безотчётным ощущением того, что комнатная муха является неременной спутницей гоголевских книг в веках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя «Мёртвые души» // Русская эстетика и критика 40—50-х годов XIX века. М.: Искусство, 1982. С. 42—53.
2. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1952.

¹ Том Крафт, убеждённый в том, что Гоголь интерьером плюшкинского дома травестирует интерьер и священные предметы православной церкви, соотносит мёртвых мух в жидкости (и в рюмке, и в чернильнице) с потиром, «в который крошатся частицы просфоры и мешаются с вином» [4, с. 102]. Сочувственно принимая мысль о травестии как об одном из ключевых гоголевских приёмов и столь же сочувственно разделяя мысль о нередком для Гоголя травестировании сакрального, мы всё же не можем не обратить внимание на сугубую предположительность таких наблюдений.

² Пример из «Отцов и детей», где идиллический старосветский мирок стариков Базаровых создан с использованием в том числе этой детали: «А что мух в этих милых домиках...»

3. Кабакова Г. И. Нос // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 435–436.
4. Крафт Т. Помещики в кривом зеркале гротеска – Плошкин // *Slavica Tergestina*. Vol. 10. Литературоведение XXI века. Trieste, 2002. P. 93–106.
5. Крылов И. А. Полное собрание сочинений. В 3 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1945–1946.
6. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медия Групп, 2007 [Электронный документ] // URL: <http://enc-dic.com/russaying/Muha-41746.html> (обращение 25.06. 2012).
7. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10 тт. Л.: Наука, 1977–1979.
8. Топоров В. Н. Муха // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 188.

* * *

Tolstoguzov Pavel N.**THE FLY IN GOGOL'S TEXT**

(Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan)

The motif of «the fly and its attendant situations» can often be found in Gogol's texts. It retains the Baroque implications. The following situations are interesting and in need of comments: «flies on sugar», «fly inside of the nose» and «flies in a fluid» (all the three situations are considered on the example of the first volume of «Dead Souls»).

Keywords: fly in folklore, fly in the fable, Baroque allegorism, naturalism, the work of Gogol.

REFERENCES

1. Aksakov K. S. Several Words about Gogol's Poem «Dead Souls» [Neskol'ko slov o pojeme Gogolja «Mjortvye dushi»], *Russkaja jestetika i kritika 40–50-h godov XIX veka*, (Russian aesthetics and criticism of the 40–50-ies XIX century), Moscow, Iskusstvo Publ., 1982, pp. 42–53.
2. Gogol N. V. *Polnoe sobranie sochinenij* (Complete works), in 14 vol. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1937–1952.
3. Kabakova G. I. Nose [Nos], *Slavjanskije drevnosti* (Slavic Antiquities), The Ethnolinguistic Dictionary in 5 vol, Vol. 3, Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenia Publ., 2004, pp. 435–436.
4. Kraft T. Landowners in a Curve Mirror of Grotesque – Plyushkin [Pomeshhiki v krivom zerkale groteska – Pljushkin], *Slavica Tergestina*, 2002, vol. 10, Literary criticism of the 21st century, pp. 93–106.
5. Krylov I. A. *Polnoe sobranie sochinenij* (Complete works), in 3 vol. Moscow, Gos. izd-vo chudozh. lit., 1945–1946.
6. Mokiyeenko V. M., Nikitin T. G. *Bol'shoj slovar' russkih pogovorok* (Big Dictionary of the Russian Proverbs), Moscow, Olma Mediya Group, 2007, Available at: <http://enc-dic.com/russaying/Muha-41746.html> (accessed 25.06. 2012).
7. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenij* (Complete works), in 10 vol. Leningrad, Nauka Publ., 1977–1979.
8. Toporov V. N. Fly [Muha], *Mify narodov mira* (Myths of People of the World), Encyclopedia, in 2 vol, vol. 2. Moscow, Sovetskaja encyclopedija Publ., 1982, p. 188.

* * *